

Арина Алексеева

Легенда о первом вампи́ре

Арина Алексеева

Легенда о первом вампире

«Автор»

2026

Алексеева А.

Легенда о первом вампире / А. Алексеева — «Автор», 2026

Горожане предпочитают обходить стороной местное кладбище. Говорят, смотритель умер от неизвестной болезни спустя неделю после того, как его сынишка вернулся из академии. Вскоре скончалась и дочка, оставив страшного брата одного. Парень быстро одичал: гуляет ночами по кладбищу, готовит странные отвары и носится с дневником, записывая всё, что приходит в его больную голову. Как бургомистр терпит его выходки? Юный некромант не устаёт твердить, что в окрестностях города завёлся убийца, жертвой которого стала его сестра. Однако все улики указывают на нападение восставшего мертвеца. Интересно, почему некромант отрицает эту версию? Боится, что все подозрения падут на него? А ведь парнишка действительно в последнее время притих. Сидит безвылазно в своей хижине и выходит на улицу исключительно по ночам. На днях рассказывали, что за ним волочатся странные существа. Их силуэты медленно движутся в ночи, пугая людей. Ну ничего... Прибывшие охотники за мертвецами расставят всё по своим местам.

© Алексеева А., 2026

© Автор, 2026

Арина Алексеева

Легенда о первом вампире

Легенда о первом вампире.

Солнце второпях пряталось за горизонт. Его ослепительные лучи проникали сквозь густую листву деревьев, нависших над кладбищем, и запрыгивали в окно ветхой избушки. Небо вспыхнуло оранжевым пламенем и растеклось по облакам фиолетовыми слезами.

– Очередной закат, который ты пропустила, – прошептал я, лёжа на узкой деревянной кровати с порванным матрасом.

Завалившись на бок, я подумал, что, будь Мариэтта здесь, она бы непременно отчитала меня за неряшливость. Мои губы растянулись в улыбке, и я медленно погрузился в глубокий, но непродолжительный сон.

Когда я проснулся, на улице уже стемнело. Только слабый огонёк догорающей свечи освещал комнату. И в этом таинственном полумраке надо мной склонилась злобная женская фигура в длинной исподней рубахе. Её уродливое лицо покрывали язвы и нарывы, а кожа из-за гниения в некоторых местах приобрела чёрный оттенок. Огонь высветил истерзанные остатки губ, которые растягивались в оскале, открывая острые зубы.

– А ну брысь отсюда! – раздражённо проговорил я, одним движением скидывая с себя мёртвую деву. Нежить завалилась набок и с грохотом упала.

– Нельзя лезть на кровать! – рыкнул я, и женщина, путаясь в полупрозрачном одеянии, на четвереньках стала отползать к письменному столу посередине комнаты.

Входная дверь внезапно открылась, и я бросил взгляд на Грегора, возникшего на пороге. Во тьме слабо проглядывалось его синевато-коричневое тело с отстающей плотью. Ходячий мертвец держал в руках небольшую корзинку с яблоками. Он коротко кивнул мне и, осторожно обойдя катающееся по полу умертвие, опустил корзину. Женщина успокоилась и села, как лягушка.

Я потёр сухие глаза и медленно встал с кровати. Грегор поспешил подать мне чистую рубашку. Переодевшись, я направился к рабочему столу. Мёртвая дева мгновенно отскочила, чтобы не мешать, и вновь побежала к кровати.

– Сара, я что сказал? – гневно проговорил я.

Недовольно взыв, она отползла от кровати и, как обиженная собака, села в углу. Я зажёл новую свечу и стал рыться в разбросанных обрывках пергамента, чтобы найти календарь. Грегор быстро отыскал его в темноте и подал мне.

– Спасибо, – поблагодарил я. Нежить попыталась изобразить на лице подобие улыбки, но вместо неё вышел угрожающий оскал.

Отметив в календаре нужную дату, я высчитал фазу луны и перенёс данные в тетрадь, после чего положил все свои письменные принадлежности в наплечную сумку и покинул хижину в сопровождении умертвий.

Серебряный полумесяц повис на небесах крохотной серьгой и спрятался за дымчатыми облаками. Дорога утонула во тьме. Я поднёс к губам магический фонарь, и, прошептав “Карэо морас”, зажёл его. Бледно-синее пламя, вспыхнувшее в стеклянной колбе, озарило округу. Я ступил на узкую тропинку, пролегающую мимо забытых надгробий.

По ночам кладбище становится особенным местом. И вовсе не потому, что просыпаются неуспокоенные души и восстают мертвецы, а потому что приходит долгожданное спокойствие. Пузатые светлячки выбираются из норок и крохотными огоньками вспыхивают над заросшими могилами, а рядом кружат мотыльки. Вальс для ночного бала играют сверчки, и ледяной ветер,

пробирающий до костей, несёт живую музыку в мир, ограниченный железным забором. Природа словно отдыхает, подставляя раскалённую солнцем кожу прохладному сиянию луны.

Сара попыталась идти на двух ногах, но не удержала равновесие и чуть не рухнула наземь. Благо, Грегор вовремя успел её подхватить и дальше вёл женщину, держа под руку. Я усмехнулся и прибавил шаг. Время приближалось к полуночи, когда мы наконец добрались до гранитного склепа, напоминающего миниатюрный готический замок. Покрытый трещинами и мхом, он прятался за плакучими ивами, в листве которых порхали белоснежные мотыльки. Я остановился в паре метров от входа и неуверенно потёр друг о друга влажные ладони. Кожа покрылась мурашками.

Каждый раз прихожу сюда, как в первый.

Грегор осторожно опустил на землю Сару – он взял её на руки, когда мы продирались сквозь колючие кусты – и снял с шеи железный ключ. Дважды провернув его в замке, мертвец толкнул дубовую дверь. Беспокойная дева мгновенно вбежала внутрь на четвереньках, а вслед за ней вошёл и я. Грегор последовал за нами, прикрыв дверь. Комната погрузилась во тьму, и я осторожно осветил магическим фонарём гранитный гроб, стоящий на высоком постаменте. Сара, не раздумывая, забралась на него и свесила ноги вниз. Её жуткое лицо, изъеденное червями, выражало нетерпение. Не обращая внимания на её требовательный взгляд, я медленно поставил фонарь у стены. Мы с Грегором подошли к постаменту, и нежить в платье послушно его освободила, чтобы можно было вскрыть гроб. Сырая крышка недовольно затрещала под нашим давлением и, будто нехотя, сдвинулась. Тоненький лучик света проник сквозь резное окно над входом и упал на лоб прекрасной девушки, дремлющей в этом склепе. Сара с трепетом подобралась поближе и нависла над её лицом. Я замер, не в силах оторвать взгляд от Мариэтты. Грегор печально ссутулился. Поддавшись какому-то внезапному порыву, Сара медленно протянула указательный палец к покойнице, но я громко шикнул, и женщина мгновенно спрятала руку за спину. Глубоко вздохнув, я отошёл к фонарю и устало сполз по стене вниз. Достал из наплечной сумки записную книгу и начал искать чистый лист, попутно освежая в памяти исписанные страницы.

“Ночь первая. Кожа побледнела, но осталась в прежнем состоянии”.

“Ночь вторая. Посмертные процессы остановлены. Проверил дно гроба – биологические жидкости, выделяющиеся при разложении, не обнаружены. Характерного вздутия тканей нет”.

“Ночь пятая. Трупное гниение так и не началось (надеюсь, и не начнётся). Волосы и зубы остались в прежнем состоянии, трупный запах отсутствует”.

“Ночь восьмая. Душа Мари начала петь! Я не верю своим ушам, хотя прямо сейчас слышу этот чудесный голос, доносящийся из гроба. Невероятно! Сначала подумал, что на кладбище опять восстал кто-то из покойников, а потом узнал её... Раз душа поёт, значит Мариэтта ещё с нами!”.

“Ночь десятая. Голос стал громче. Она просыпается,” – прочитал я последнюю строчку и перелистнул страницу. Достав из кармана огрызок карандаша, молча уставился на постамент. По моим расчётам, сегодня она должна подняться. Руки невольно подёргивались в трепетном ожидании чуда. Я столько раз прокручивал этот момент в голове, и всё равно не знал, что буду делать, когда она вернётся. Может, крепко обниму её? Или разрыдаюсь, как мальчишка. Скажу, что не хотел, чтобы так получилось. Признаюсь в том, что проклинаю тот день, когда отпустил её одну в город.

Сара громко завывала, вскинув голову к потолку, и я невольно вздрогнул от испуга. Хотелось наорать на бестолковую нежить за такие выходки, но тут из глубины тьмы возник тоненький голос.

Мариэтта... Снова запела.

Мы с Грегором перекинулись ошеломлёнными взглядами, и я торопливо внёс наблюдения в свой дневник. Сара, поднявшись на цыпочки, завывала громче, и душа Мари отзывалась,

протянув высокую, почти надрывную ноту. Она словно пыталась докричаться до умертвия и показать, что ещё жива. Я был готов аплодировать шкодливой Саре за идею, но тут пение прекратилось. Нежить притихла и, печально склонившись над Мари, сгорбила спину. Затем бесильно опустилась на колени и прижалась лбом к гробу.

Грегор бросил на меня вопросительный взгляд, но я лишь пожал плечами. Ошибки в расчётах допустимы. Вполне возможно, что тело покойницы ещё не готово, и нужно подождать...

Туловище Мариэтты внезапно поднялось с таким треском, будто от гранита оторвали присосевшее дерево. Сара, испугавшись, отскочила от гроба, а я с трудом удержал восторженный крик.

Получилось!

Грегор тихонько присел на месте и начал подползать к девушке, но я жестом приказал ему замереть. Мариэтта зашаталась, и Сара крепко обхватила её плечи, а после уткнулась лбом в спину покойницы. В это мгновение глаза девушки широко распахнулись, а рот открылся в безмолвном крике. Она бросила растерянный взгляд на Грегора, и будто узнала его. Умертвие растянуло губы в улыбке и подошло вплотную к постаменту. Лицо Сары расплылось в нелепой ухмылке, и та бесцеремонно запрыгнула на ноги к покойнице. Пару мгновений Мариэтта переводила взгляд с одного мертвеца на другого, пока не решилась протянуть руку и не дотронуться до лица подруги. Нежить визгливо заулюлюкала от радости, а Грегор заботливо провёл по черным волосам девушки – при жизни Мари, он любил их расчёсывать.

Я медленно поднялся на ноги и осторожно подошёл к гробу. Мариэтта не замечала меня, пока я мягко не дотронулся до её плеча. Голова покойницы резко повернулась ко мне. В свете луны я разглядел, что её некогда голубые зрачки стали кроваво-алыми, и в этих глазах заблестели слёзы. Мари помнит меня. Я медленно провёл ладонью по её щеке, а она неуклюже вцепилась в моё запястье; затем протянула вторую руку, чтобы ощупать моё туловище. Я горько улыбнулся.

– С возвращением, – прошептал я сквозь слёзы.

Утро началось с настойчивого стука в дверь. Кто-то нещадно колотил по дряхлому, разбухшему дереву, из которого мой отец построил эту избу задолго до нашего с Мари рождения. Я упрямо заткнул ухо подушкой, надеясь, что неожиданный гость уйдёт. Однако этот... Тип. Оказался настырным. Я с отчаянным стоном повернулся на спину и хриплым голосом начал звать Грегора. Звал долго и упорно, пока не вспомнил, что восставшая нежить бодрствует исключительно по ночам. Пришлось продрать глаза и самому отпереть эту чёртову дверь. На пороге меня встретил Эйдан – мальчишка лет четырнадцати, находящийся на попечении местного бургомистра. Встретившись с моим недовольным взглядом, парень немного стушевался и пробормотал сиплым голосом:

– Это... Вас зовут... К дядюшке...

– После обеда приду, – недовольно ответил я и уже собирался закрыть дверь, но мальчик торопливо заголосоил:

– Он вас сейчас видеть изволит!

Я сдержал болезненный стон и устало потёр глаза. Выспаться мне сегодня не дадут.

Заметив моё удручённое настроение, Эйдан добавил уже от себя:

– Там, говорят, что-то по поводу головореза, который Мариэтту... Того...

Мои брови удивлённо взлетели вверх. Неужели, великий и могучий бургомистр Уильям взялся за это дело, как следует? Верилось слабо, однако сон, как рукой сняло. Я попрощался с мальчиком и принялся собираться. Хорошенько умылся и, взглянув на своё отражение, понял, чего испугался Эйдан. Выгляжу не свежее Грегора. Даже хуже... В последнее время по ночам я только и делал, что бродил по кладбищу, так что под глазами у меня залегли тёмные круги.

Лицо осунулось, сделав и без того острые черты лица ещё острее, а глаза с недавних пор выражали нескончаемую усталость и истощение, но со вчерашнего вечера в них забрезжил луч надежды. Я уже давно перестал следить за растительностью на голове, и мой подбородок со щеками покрылись жёсткой щетиной, а волосы отросли и теперь торчали в разные стороны беспорядочными колтунами. Я не собирался производить впечатление на высокомерного бургомистра, поэтому слегка причесался и надел более-менее свежие рубаху и штаны – по крайней мере, от них не несло могильным смрадом. Плотнo закутавшись в чёрный плащ, доставшийся от отца, я отправился в путь.

Добираться до ближайшего города приходилось около часа. Раскрытые настежь ворота я преодолевал, стараясь не оборачиваться на ошеломлённые взгляды местных жителей. Мирос – довольно приятное место, сплошь уставленное каркасными домами, однако люди здесь слишком суеверные. Казалось, одно моё присутствие угрожает размеренной жизни горожан. Я выдохнул с облегчением, добравшись до брусчатой площади, на которой раскинулся величественный каменный храм, увенчанный символами солнца. Именно в нём располагался кабинет бургомистра. Тяжёлые двусторчатые двери торжественно распахнулись, впуская меня внутрь. Воздух был пропитан терпким ароматом свечей и трав, зажжённых в честь Солнцеликого божества. С потолка глядели бесчисленные святые, чьи умиротворённые лица застыли в безмолвном плаче. Солнечные лучи пролетали сквозь грандиозные витражи на стенах и разбивались на тысячи бликов, осыпающихся на сером полу крошечными самоцветами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.